

Н.В. Наливкина

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ И НЕУДАЧА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА РОССИИ

Томский государственный педагогический университет

В конце XX в. в России была проведена попытка демократизации государства и общества. Сегодня, по прошествии почти двадцатилетия, есть все основания предполагать, что все попытки завершатся не вполне успешно и приведут не к тем результатам, о которых думали демократы-реформаторы. По сравнению с началом 90-х годов, наши выборы в органы власти становятся все менее свободными и честными, права и свободы личности обеспечиваются в гораздо меньшей степени, суды стали существенно зависимее, система разделения властей при доминировании исполнительной власти становится призрачной. При таких результатах модернизации России становится важным анализ происшедших событий.

Для понимания процессов, характерных для России, будет полезным обратиться к парадигме транзита/консолидации. В современной транзитологии накоплен опыт в изучении перехода от авторитарного правления к демократиям на примере стран Южной Европы и Южной Америки. При всех имеющихся разногласиях, которые основываются на «восточноевропейской исключительности» и трудностях перехода от тоталитаризма к демократии, чем, по сравнению, от «чистого» авторитаризма, по некоторым параметрам можно найти согласие. Применительно к странам Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и бывшего Советского Союза (БСС) транзит понимается как период неизвестной протяженности, для которого характерна крайне высокая степень неопределенности, когда действия сложно предугадать, а выбор недостаточно ясен. «В условиях, когда события внезапны, акторы нетипичны, идентично поколеблены, институты не функционируют, поддержку невозможно просчитать, выбор поспешен, а риски неизбежны и от них нельзя застраховаться, обычные инструменты общественных наук бесполезны, и это объясняет, почему так сложно построить формальную модель транзита» [1, с. 10–11].

Демократический транзит – не единый эволюционный процесс, а множество альтернативных и непрямых путей, сопряженных с трудностями. Исследование вопросов трансформации режимов сталкивается с проблемой выделения отдельных фаз перехода и путей или форм транзита.

Основополагающая модель перехода была предложена американским политологом Д. Растоу.

Предварительным условием перехода к демократии он считал национальное единство, то есть осознание гражданами общей идентичности и отсутствие у них сомнений, к какому политическому обществу они принадлежат. Далее он выделял три фазы: 1) «подготовительная фаза», характеризующаяся серьезным конфликтом внутри политики; 2) «фаза принятия решения», заключение пакта (или пактов) на основе прагматических компромиссов, которые включают выработку и сознательное принятие демократических правил; 3) «фаза привыкания», на которой постепенно закрепляются и утверждаются в обществе, в качестве демократических, политические процедуры и институты [2, с. 361–362]. По мнению Растоу, первый основополагающий компромисс является отсчетом демократизации, доказывающим эффективность принципа соглашения и примирения и открывающим перспективу решения последующих проблем демократическими методами.

Ф. Шмиттер началом процесса демократического перехода считает осознание участниками (актерами), что старый режим не может служить основой для их действий, и переход заканчивается, когда политические акторы отдают себе отчет в необратимости происшедших перемен. Ф. Шмиттер и Г. О’Доннел различают три стадии перехода к демократии: либерализацию, демократизацию и социализацию. Под либерализацией они понимают институализацию гражданских свобод без изменения властного аппарата. Сама система, сохраняя авторитарные характеристики, не меняется, хотя допускаются некоторые свободы. Возникает «опекунская демократия» – режим с формальными демократическими и конкурентными институтами, которые находятся под опекой аппарата. На этом этапе не ставится задача формирования демократического режима. Целью элиты является удержание власти и сохранение ее в будущем. Для реформаторской части элиты проблема состоит в том, останется ли переход на стадии либерализации или наступит более сложная стадия перехода – демократизация. При отсутствии оппозиции авторитарный режим может долго существовать в виде «опекунской демократии».

Точкой отсчета начала демократизации считается та, за которой уже невозможно повлиять на ход демократического процесса. Демократизация мо-

жет быть осуществлена при выполнении двух условий: 1) демонтажа авторитарного режима и создания благоприятных условий для становления будущей политической системы; 2) сознательного выбора новыми политическими силами демократических институтов и процедур. Так как, естественно, будут оставаться проблемы, связанные с предыдущим строем, то одновременно с либерализацией политики необходимо будет проводить реформы и в других областях. Характерными чертами либерализации являются снижение темпов экономического роста и гражданские столкновения. При демократизации меняется вся структура политической власти. Оппозиция получает возможность доступа к принятию решений в новых институтах власти типа парламента. В ходе первых свободных и соревновательных выборов начинается формирование новой политической системы.

Последняя стадия перехода представляет собой социализацию граждан, означающую усвоение ими новых ценностей и норм, постепенного вхождения в новую систему отношений, характеризующую демократический политический процесс.

Ф. Шмиттер и Т.Л. Карл в процессе демократического транзита выделяют четыре формы транзита: 1) «навязанный переход»; 2) «пактированный переход»; 3) «реформистский»; 4) «революционный». Это означает, что возможно несколько вариантов эквилибриума, позволяющих достичь демократии [1, с. 13].

«Навязанный переход» предполагает наличие ведущей группировки режима, которая заставляет всех других акторов признать свои правила политической игры. Силы, инициировавшие транзит, оказываются в состоянии контролировать события, включая стадию консолидации. Но, чаще всего, те, кто навязал переход к новому режиму, в конце концов теряют контроль над ним. «Пактированный» или договорный переход менее распространен и хорошо исследован. Главной особенностью этого перехода является заключение пактов и соглашений между правящими группами прежнего режима и теми, кто не обладал никакой властью или был отстранен от участия в ней. «Реформистский» переход характерен массовой мобилизацией снизу, когда реформы осуществляются под давлением низов на правящие группы.

В странах ЦВЕ и БСС, наш взгляд, представлен весь спектр выделенных форм транзита, за исключением революционного переворота снизу. По всей видимости, в таких странах, как Россия, Белоруссия, Украина, Эстония, Литва, Азербайджан демократический транзит был «навязан». С Россией вообще особый случай. Демократизация СССР, начавшаяся по типу «навязанного перехода», быстро привела к распаду государства и краху иницииро-

вавшего ее режима. Но переход продолжился в течение последующих двух лет с 1991 по 1993 г. и типологически представлял собой сосуществование разнородных тенденций с элементами «навязанного», «договорного», «реформистского» и, даже, «революционного» переходов, повторив в 1993 г. разновидность «навязанного» перехода.

Особенностью России является слабость политических партий, их малая вовлеченность в процесс консолидации. Вместе с тем для позитивного транзита крайне необходимо формирование устойчивых партийных систем. Впрочем, это наиболее характерно для «пактированного» перехода. Кроме этого, особенностью российского перехода является корпоративная гомогенность и интеграция элитарных групп, которые препятствуют консолидации модернизированной элиты. Ведь внутренняя реструктуризация элиты поначалу вызывает деление сначала на реформаторов и консерваторов с дальнейшим дроблением и тех и других, что способствует, путем компромиссов, известной интеграцией верхов достигать политического согласия относительно целей и средств общественного развития. Важными факторами, предотвратившими развитие тенденции к дроблению элиты, стали коррупция и бюрократизация, только подтвердившие формальность стиля властвования. Одни и те же люди, относящие себя к элите, перемещаются с легкостью из «коммунистической номенклатуры» в «демократы», а оттуда – в «партию власти». Поэтому сложно рассуждать сегодня о российских трансформациях в логике «перехода» к демократии.

Далее, важным моментом является тот факт, что консолидированная демократия не сводится исключительно к установившимся политическим институтам – партиям и выборам или к стабильности «частичного режима», даже с удачным соотношением исполнительной и законодательной властей и партийной системой. Характерным для консолидации является процесс децентрализации и территориального перераспределения властных отношений из центра в пользу регионов. Главным для этого положения является то, что реструктуризация политического пространства должна осуществляться в полиэтнических государствах при сохранении всех национальных институтов и демократизация должна проводиться на уровне страны с достижением общенационального консенсуса по поводу конституции, включающей положение о последующем расширении прав автономий.

В концепции В. Банс рассматривается специфика восточноевропейской трансформации, транзит от государственного социализма (характеризующегося сочетанием неопределенности процедур и предопределенности конечных результатов) к либеральной демократии (с определенными процедура-

ми и неопределенными результатами) осуществляется через переходный период, которому свойственны как неопределенность процедур, так и результатов. При либеральной системе политические последствия неопределенны, так как существует право всех на участие в политических решениях. В условиях рынка частная собственность и прибыль не являются гарантированными. Все конечные результаты носят непредсказуемый и временный характер: уровень цен и прибыли, исход выборов, государственные решения. Политики, политические партии, избиратели, производители и потребители ставятся в неопределенное положение, так как ничто не гарантировано. Они действуют в условиях конкуренции. Их будущее неизвестно, а настоящее подвергнуто переменам. Поэтому неопределенность результатов в либеральной демократии сочетается с определенностью процедур, которые можно трактовать как институты, включающие в себя нормы, законы, определенные правила игры, функционирование политических и экономических структур. Действие законов, наличие партий, придающих упорядоченность политической борьбе, профсоюзы, государственная бюрократия, опирающаяся на рациональные критерии в своей деятельности, институты социального обеспечения и страхования – они ограничивают конкуренцию и говорят об определенности процедур.

При государственном социализме итоги деятельности всегда предопределены. Государственный социализм гарантирует политические и экономические результаты, уничтожив состязательность в экономике и политике. Этими мерами он подавляет неуверенность в этих сферах, обеспечив постоянство, а следовательно, и предсказуемость. Однако процедуры оказались лишены предопределенности. Когда демократические процедуры не установлены, то и права неопределенны, их как бы нет. В результате политические деятели и чиновники принимают решения, определяют права граждан, цели государства, юрисдикцию и процедуры. Отсутствие определенных процедур давало им чрезвычайную власть.

По мнению В. Банс, переходный период отличается неопределенностью результатов и процедур. Для него характерна нестабильность. Являясь процессом становления экономических и политических институтов, он может привести к различным результатам, а именно – к «замораживанию» режима, реставрации государственного социализма, диктатуре или либеральной демократии. По ее мнению, демократические преобразования идут успешно в тех странах, которые порвали с прошлым и начали строительство демократических политических и экономических учреждений и процедур. Демократическим преобразованиям способствовали

не только очевидная победа реформаторов-антикоммунистов, но и быстрое проведение либеральных экономических реформ – конвертируемость валюты, приватизация собственности, стабилизация цен, торговля [3, с. 788–789]. В. Банс предлагает рассмотреть три пути, которые привели постсоциалистические страны бывшего Советского Союза и Восточной Европы к различным результатам. Первый – тот, где демократия и капитализм сосуществуют в гармонии; где есть политическая стабильность, поддерживающая экономический рост, который последовал после резкого спада производства. Эта группа стран считается региональным исключением (Польша, Венгрия, Чехия, Словения). Второй – где авторитарная политика сосуществует с полусоциалистической экономикой. Для этого пути характерна относительная устойчивость в политике и относительно разумная экономическая деятельность (хотя менее внушительная по сравнению с первой группой стран). Примером является Узбекистан. Третий включает большинство стран этого региона и представляет собой пример балансирования между демократией и диктатурой и между капиталистической и социалистической экономикой. Здесь ярким примером В. Банс считает Россию [3, с. 761–762].

Ф. Шмиттер и Т.Л. Карл не считают данную оценку верной и ставят вопрос о критериях этой оценки. По их мнению, в экономике Словении огромную роль играет бывшая номенклатура, а экономических реформ проведено меньше, чем в Албании, Хорватии и России. Далее. Показатели успешности экономических реформ в Чехии выше, чем у Словакии (8.2 против 7.3), но по множеству других показателей она по пути консолидации демократии продвинулась не дальше, чем Словакия. Другой пример – Албания, которая по темпам экономических преобразований опережает Словению, Монголию, Македонию, Болгарию, но недалеко ушла от них в политическом плане [1, с. 17].

Так что оценки, критерии и выводы, которые делают многие исследователи, являются спорными. Такое разнообразие характеристик транзитов в постсоциалистических странах одного региона (ЦВЕ и БСС) является иллюстрацией того, как феномены одного и того же типа могут порождать различные политические модели. И это, на наш взгляд, совсем не опровергает парадигмы транзита/консолидации Ф. Шмиттера и Т.Л. Карла.

В последней четверти XX в. утвердилось представление о том, что демократия является идеальной или наилучшей из возможных форм общественного устройства. Мировая практика свидетельствует, что единого стандарта демократии нет и не может быть в принципе. Поэтому вернее будет говорить о «демократиях», а не о «демократии». На

том же Западе существуют различные демократические практики, а результатом транзита является использование таких определений, как «ложная демократия», авторитарного регресса», «недоиспользованной власти» и т.д. В сфере практической политики выделяется подход Й. Шумпетера, который важнейшим критерием политики считает выборы. Из современных теоретиков «перехода к демократии» эту позицию поддерживают С. Хантингтон и А. Пшеворский. Современные минималистские концепции демократии, которые определяют демократию как систему электорального соперничества, Л. Даймонд именуется электоральной демократией. Все остальные формулировки и определения демократии, «уточненные» и «дополненные», он помещает в континууме между электоральной и либеральной демократией. Согласно электоральному определению, многие страны можно отнести к демократиям, хотя в них нарушаются права человека и ведутся войны. Но при использовании более жестких критериев, предполагаемых концепцией либеральной демократии, оценка меняется. Он допускает существование третьей категории режимов, которые не дотягивают даже до минимальной демократии, но в то же время отличаются от авторитарных систем. Л. Даймонд называет их псевдодемократиями [4, с. 15]. Имеется множество разновидностей псевдодемократий. К их числу относятся «полудемократии». От режимов, которые относятся к авторитарным, псевдодемократии отличаются тем, что терпят существование оппозиционных партий.

Для либеральной демократии важны не только свободные, регулярные и честные выборы, всеобщее избирательное право, но и то, что, наряду с «вертикальной» ответственностью правителей перед управляемыми, она предполагает «горизонтальную» подотчетность должностных лиц друг другу. Этим она ограничивает свободу исполнительных органов и, тем самым, помогает защищать власть закона, конституционализм. Либеральная демократия заключает в себе огромные резервы для развития политического и гражданского плюрализма и индивидуальных и групповых свобод.

С эволюционных позиций демократию следует рассматривать как систему, которая возникает не сразу, а по частям, отдельными фрагментами, причем время и последовательность появления таких фрагментов жестко не фиксируется.

Начиная с 1990 г., число и доля демократий в мире ежегодно увеличивалось, особенно после краха советского и восточноевропейского коммунизма. Эти страны лишь дополнили количество стран «третьей волны». Эту ситуацию можно охарактеризовать как беспрецедентный демократический прорыв. В 1991–1992 гг. распространение свободы в

мире достигло высшей точки. С 1991 г. доля «свободных» государств начала медленно снижаться, а в 1992 г. поднялась доля «несвободных». В течение последующих лет, по данным «Обзора» Дома Свободы, динамика постоянно меняется. Но в тенденции, прослеживающейся в 1990-е годы, продолжающийся рост электоральной демократии, при застое в развитии либеральной, указывает на поверхностный характер демократизации «третьей волны». На протяжении 1990-х годов пропасть между электоральной и либеральной демократией постоянно расширялась. Доля «свободных» государств (либеральных демократий) в мире сократилась с 85 % в 1990 г. до 65 % в 1995 г. В эти годы во многих наиболее важных и влиятельных молодых демократиях «третьей волны», в том числе в России, качество демократии, измеряемое объемом политических прав и гражданских свобод, заметно упало [4, с. 18].

При такой ситуации необходимо, чтобы в самые ближайшие годы произошла консолидация тех демократий, которые возникли в годы «третьей волны». Мобилизация структур гражданского общества является важнейшим фактором перехода от стадии либерализации к демократизации. Консолидированная демократия не сводится только к установленным политическим институтам (партии, выборы). Для нее важны системы презентации организованных интересов. Взаимоотношения между гражданами и властью приобретают приоритетное значение над иными. Такой тип отношений позволяет лучше представлять интересы граждан и чувствовать уверенность и защищенность. Страна может располагать малоконсолидированной партийной системой, но очень консолидированной системой организованных интересов, которые концентрируются в определенных политических зонах (прежде всего, связанных с макроэкономической политикой), являющихся существенным фактором общей политической стабильности. Консолидацию маркирует продвигающийся параллельно с переходом от автократии к демократии процесс децентрализации и территориального перераспределения властного авторитета из центра в пользу регионов [5, с. 33]. Строго говоря, консолидируется не демократия, а тип демократии, состоящий из разных сочетаний партий, групп интересов, конфигураций исполнительной власти.

Какой же режим сложился в России? Завершился переходный период в России или его не было? Эти вопросы до сих пор не дают однозначных ответов. На наш взгляд, процесс либерализации, начавшийся в России, не был завершен. Согласно же парадигме транзита, либерализация предшествует демократизации. Там, где традиции либерализма были укоренены сравнительно давно, переход произошел на-

ибо более успешно и мирно (Чехия). Интерес представляет пример Венгрии. До советизации в этой стране не было значительных длительных периодов демократии и традиции либерализма можно оценить как слабые. Но с середины 1950-х годов проводились реформы либерального типа сначала в экономике, а затем и в политической сфере. После краха советского блока Венгрия была наиболее свободной, по сравнению с другими его участниками. В результате переход к демократии в Венгрии прошел с меньшими затратами, чем в других странах Восточной Европы.

Для тоталитарной России демократический путь с незавершенным переходом оказался преждевременным. Уже сегодня российская политическая система достаточно авторитарна. Нынешний этап в политическом развитии России характеризуется глубоким кризисом либеральной модели демократии. Попытка воспроизведения на российской почве западной версии этой модели привела к дискредитации либерализма и идеи демократии. Только возникшие демократические институты оказались зависимыми от государственно-бюрократических, олигархических и криминальных структур.

Тот режим, который сложился в России сейчас, политологи склоняются считать разновидностью «мягкого авторитаризма». Для него характерна концентрация властных полномочий в руках узкого круга правящей элиты в сочетании с относительной свободой граждан, курс на административное укрепление государственности и централизованных рычагов управления. В России это воплотилось в ускорении «административной реформы», изменении электоральной формулы и в фактическом переходе к системе назначения глав исполнительной власти субъектов РФ. В своем послании Федеральному Собранию РФ 25 апреля 2005 г. В. Путин выделил три направления деятельности – совершенствование государства, укрепление закона и развитие личности и гражданского общества в целом. Хотя о каком развитии гражданского общества можно говорить, если россияне не могут участвовать в выборах глав исполнительной власти («неправильно выбирают», «не научились»). Президент констатировал, что «задачей номер один остается повышение эффективности государственного управления», поскольку «наше чиновничество еще в значительной степени представляет собой замкнутую и подчас надменную касту, понимающую государственную службу как разновидность бизнеса». В. Путин отметил, что «если государство поддастся соблазну простых решений, то верх возьмет бюрократическая реакция. Вместо прорыва мы можем получить стагнацию» [6]. Недостаточная технологическая грамотность бюрократии, чреватая поворотом

вспять или движением по кругу, – одна из ключевых проблем российского транзита [7, с. 37].

Еще одной из проблем нашего транзита является коррупционный механизм передела финансовых и материальных средств. Коррупция – эта та среда, в которой разворачивает себя в пространстве и времени государство. По всей видимости, сегодня мы живем в эпоху перманентной коррупции, которая не есть девиация, она не может быть побеждена, остановлена и т.п. [8, с. 31].

Следующей проблемой является не сложившаяся у нас партийная система. Сложная коллизия наблюдается в партийном секторе России. Победа «путинского большинства» на думских выборах 2003 г., поддержка «Единой России» Путина на президентских выборах 2004 г., пересмотр законодательства о партиях в 2003–2005 гг., резкое снижение сферы действия мажоритарной системы – все это делает становление здоровой многопартийности проблематичным. Однако сама «Единая Россия» считает, что сможет справиться и с противостоянием между чиновничеством и бизнесом, и с разногласиями между администрацией президента и правительством и т.д. «В рамках “Единой России”, в случае недисциплинированного поведения, “напомянут”, накажут, определяют линию поведения и “причитающуюся долю в коррупционном переделе”» [8].

Однако общество, уставшее от беспорядков, с ностальгией вспоминающее не столь давнюю политическую стабильность, готово принять эту форму правления. Она в наибольшей степени отвечает отечественным традициям и историческому опыту, и нынешней политической обстановке.

Как отмечает Ю.А. Красин, «мягкий авторитаризм» способен эволюционизировать как в направлении постепенной демократизации общества, так и в направлении «жесткого авторитаризма» [9, с. 135]. Вероятность реализации последнего варианта представляется не очень высокой, так как слишком он расходится с потребностями российского общества и стремлениями людей, ощутивших самостоятельность и вкус свободы. В современном глобализирующемся мире никакая власть не в состоянии осуществлять тотальный контроль над информационными и культурными потоками, что лишает автократию «монополии на истину». Тип инновационного развития, в который втягивается Россия, порождает работника с широким кругозором, разделяющим либеральные ценности. При слабости российского гражданского общества в нем сохранились демократические силы, способные активно участвовать в политической жизни. И, наконец, авторитарные реалии России встречают противодействие со стороны демократической ответственности многих стран.

Наряду с факторами, препятствующими авторитарным тенденциям, существуют противоположные им. Не дождавшись прогнозируемых результатов от демократических реформ 90-х годов, общество разочаровалось во многих ценностях демократии и готово поддержать власть, которая обеспечит стабильность и порядок. Особая осложненность демократизации в России обусловлена масштабами страны, спецификой ее демографической, этнонациональной, конфессиональной структур – давно

известно, что переходный процесс протекает по-разному в странах больших и малых по территории.

Сегодня можно только предполагать и надеяться, что власть устоит перед соблазном вернуться вспять к жестким формам авторитаризма.

В заключение можно отметить, что статья не претендует на анализ и описание всех известных в политической науке моделей транзита и их практического применения.

Литература

1. Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы // Полис. 2004. № 4.
2. Rustow D.A. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. 1970. Vol. 2. No. 3.
3. Bunce V. The Political Economy of Postsocialism // Slavic Review. 1999. Vol. 58. No. 4.
4. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. 1999. № 1.
5. Шмиттер Ф. Процесс демократического транзита и консолидации демократии // Полис. 1999. № 3.
6. Путин В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ. 25 апреля 2005 г. – http://www.president.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type82634_87049.shtml.
7. Дахин А.В. Система государственной власти в России: феноменологический транзит // Полис. 2006. № 3.
8. Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика // Полис. 2006. № 1.
9. Красин Ю.А. Метаморфозы демократии в изменяющемся мире // Полис. 2006. № 4.

И.Е. Рудковская

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРАВИТЕЛЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ (Н.М. КАРАМЗИН)

Томский государственный педагогический университет

Среди круга проблем, постановка и исследование которых призваны приблизить нас к пониманию доминант формирования политической культуры России, представляется одной из важнейших проблема закрепления авторитарной традиции в ее политическом пространстве. Характеризуя политическую систему Киевской Руси, историк Г.В. Вернадский отмечал: «Три элемента власти – монархический, аристократический и демократический – уравновешивали друг друга, и народ имел голос в правительстве по всей стране» [1, с. 342]. Нарушение этого равновесия стало возможным не в последнюю очередь в силу тех изменений, которые совершались в индивидуальных сознаниях представителей рода Рюриковичей, чей статус в обществе делал их личные выборы знаковыми для окружающих.. В 1909 г. в работе «Княжое право в древней Руси» А.Е. Пресняков выступил за признание «за русскими князьями древнейшей исторической поры более активной, более творческой роли, чем та, какая обычно им приписывается в нашей историографии» [2, с. 181]. Информация, подтверждающая эту точку

зрения, была зафиксирована в русских летописях и позднее вошла в ткань исторических исследований, в свою очередь, питавших политическое сознание и современников, и потомков предложенным в них видением происходивших некогда процессов.

Влияние Н.М. Карамзина на политическое мышление не одного поколения, причем как своих сторонников, так и противников, вырвавшихся на критике «Истории государства Российского», не подлежит сомнению. Правители империи из рода Романовых авторитетом личности историографа освящали и то неизменное, что сохраняли, и те перемены, на которые решались. Осталось множество свидетельств преломления идей Н.М. Карамзина в философско-историческом, эпистолярном, мемуарном, поэтическом наследии XIX столетия.

Автор счел необходимым попытаться проанализировать, в какой мере в тексте «Истории государства Российского» отражена взаимосвязь между оформлением отечественной авторитарной традиции и спецификой становления личностей правителей в первые века российской государственности.